Веста

Автор:
Вероника Мелан

Веста

Вероника Мелан

Город

Веста Керини, живущая в маленьком отдаленном селе, много лет была влюблена в соседского парня Гриня и терпеливо ждала от него предложения руки и сердца. И Гринь посватался. Но не к ней. В расстроенных чувствах, сбежавшая ночевать в лес Веста не знала, что наутро вернется в разоренное врагами село – к сожженным избам и убитой родне. Вне себя от горя она встречает схоронившуюся в чаще старуху-отшельницу, которая убеждает: «Я отправлю тебя через тайную дверь в иной мир, ты проживешь там год, а после вернешься за день до трагедии и все исправишь». Как не согласиться, как не исправить? И Веста шагает через порог в незнакомый мир – Мир Уровней, – далекий от ее собственного, примитивного, изобилующий возможностями и технологиями. Ей не важно, где именно придется провести следующие триста шестьдесят пять дней, она справится – цель того стоит. Вот только старуха наказала Весте умереть в строго определенную дату, и, значит, чтобы наверняка, придется нанять убийцу. Но что, если киллер, удивленный тем, что клиент «заказал самого себя», начнет задавать слишком много вопросов?

Вероника Мелан

Веста

Часть первая

Мир Уровней.

Пайнтон.

(Skillet – Not Gonna Die)

Пролог

Я с самого начала знала, что сегодня – восьмого сентября – случится эта «гонка». А все потому, что мой муж – старый шизофреник и любитель извращенно пошутить – написал в своем завещании, что деньги достанутся мне в том случае, если я смогу выжить, начиная с восьми вечера восьмого и до восьми утра девятого сентября года, «когда составлена и подписана мной сея бумага…»

Наверное, он все-таки хотел оставить Энтони Хоскину – его старинному товарищу – призрачный шанс на получение наследства, на которое тот ввиду длительной дружбы рассчитывал.

Их дружба треснула, когда появилась я – Веста.

И сегодня Энтони спустил на меня всех собак…

Одиннадцать вечера.

Я ощущала себя, как в дешевом триллере, когда хочется спать, но нужно куда-то бежать. Нестись на всех парах за тем, кто постоянно односложно прикрикивает на тебя, дергает то за руку, то за плечо, изредка – жестко и больно – нажимает на голову вместо команды «пригнись».

Что ж, я сама наняла его – лучшего киллера уровня (сегодня – моего телохранителя), на поиски которого заранее угрохала почти месяц.

– Бегом!

Я только и делала, что неслась, а мой провожатый отстреливался. Триллер или нет, а пули были настоящими. Очень. И глохли уши от ответных выстрелов. Еще даже не полночь, а мы уже покинули черту города. Через лесополосу, поля, дальше на угнанной машине до пересечения с границей Бодвика. После снова пешком, бегом, пешком, бегом, когда уже нет сил. Чернело над головой небо; бороздил высотные просторы, ощупывая лучом прожектора землю, частный военный вертолет.

Два часа ночи. Короткая передышка в заброшенном доме, стоящем чуть поодаль от трассы. Я прямо на жесткой лавке, откинув конечности, – сейчас я убила бы за пару часов сна. Но спать мне не давали. Рычали:

– Они нас находят. Каждый раз, когда я отрываюсь, – на тебе где-то маячки.

Этот изверг – сильный, жилистый мужик, имени которого никто не знал, но которого «избранные» называли двумя буквами «Кей Джей», – заставил меня снять с себя цепочку, серьги, стянул с пальца кольцо, выбросил в урну резинку для волос. Приказал завернуться в пыльную тряпку, которую отыскал в углу, перепотрошил снятую мной одежду. Мой телефон он разбил давно, еще в девять вечера, когда понял, что я взяла его с собой, и чуть не испепелил взглядом.

«Дура! – искрил стальной взгляд. – Полная дура!»

И сама знаю.

Теперь я валялась на лавке, накрывшись пыльным мешком, и мне было плевать, дура или нет. Хотелось закрыть глаза и провалиться в небытие.

Но вдруг снова послышался вдалеке шум вертолетных лопастей.

– Вставай! Бегом!

Нас снова нашли. Третий час ночи.

Кей Джей перезарядил оружие.

Пять утра.

Мы пережидали за углом дома – сонный квартал спал, но не спала следующая за нами по пятам погоня. Энтони не сдавался – он хотел себе эти десять миллионов.

«Извини, они нужны мне самой».

Нет, я никак не собиралась умирать сегодня. У меня насчет собственной смерти имелись совершенно другие даты.

– Туда!

Мне махнули на проулок. И мы понеслись. Тряпки-ноги, плети-руки, не варит голова. Хотелось передохнуть.

– На мне же… нет маячков…

«Значит, очень ты им нужна», – слышалось в молчании.

Шесть утра.

Нам пришлось двинуть из Бодвика снова загород. К этому времени я успела проклясть все на свете, а сзади все палили. Слякоть. Здесь недавно прошел дождь; я постоянно подскальзывалась. В кювет я съехала, потому что меня в него резко толкнули. А после припечатали лицом в грязь, чтобы макушка не торчала. Лицом! В грязь!

«Ты что! – хотелось орать мне. – Совсем опупел!» – но только открывался и закрывался наевшийся земли рот. Лежащий рядом со мной киллер одиночными точными выстрелами снимал преследователей. Плевать мне уже было на все – хотелось истерить.

– Ты!.. – шипела я змеей. – Прямо в грязь…

Выстрел.

– … лицом!

Выстрел.

Тишина. Позади нас, видимо, не осталось никого – он снял всех. У меня на щеках черная жижа, глаза щиплет. Умыться можно разве что в соседней луже – с собой ни сумки, ни салфеток.

По мне скользнули совершенно равнодушным взглядом – «объект живой» – констатация факта.

– Мудак!

Выплюнула я ему в лицо.

Взгляд вернулся. Холодный, нехороший. Но его быстро сменило привычное равнодушие. И команда:

– Вставай! Двигаем отсюда.

Как предсказуемо.

* * *

Восемь утра.

Нет, не так – две минуты девятого.

Мне не верилось – рассвело.

Мы сидели на обочине трассы «XR-2» в очередном угнанном синем седане. Тишина, покой. Преследование завершилось, стоило стрелкам вползти на территорию девятого часа – и все, как отрубило.

«Энтони, выкуси…Деньги мои». Если меня убьют сейчас, все миллионы, согласно тому же завещанию, отойдут в Трастовую компанию «Литит-К» – конкурентам Энтони. А Хоскин этого желает еще меньше, чем моей смерти. Нет, старый шизофреник все-таки был шутником.

Сил никаких.

Даже мой сосед не шевелился, просто смотрел перед собой – устал. А ведь он самый выносливый, ловкий и сильный мужчина, которого мне доводилось встречать. И миссию свою он выполнил – не дал мне отправиться на тот свет. Тяжелая была задача, и стоила она мне двести пятьдесят тысяч кусков, которые мне пришлось всеми правдами и неправдами для него отыскать.

Все получилось. Я живая. Богатая.

И чумазая.

Назло себе я посмотрела в зеркало – морда черная, глаза дикие, но блестящие. Лицо я, как смогла, вытерла собственной майкой – чуть более чистой, чем все остальное. И апатия – не передать. Оказывается, можно устать так, что нет ни эмоций, ни желаний, ничего вообще. До самого дальнего предела, до тишины в шестернях. Это была самая тяжелая ночь в моей жизни.

Машина стояла на окраине восточного района Пайнтона – города, за последний год ставшего мне родным. Отсюда до дома минут сорок пешком. Или десять, если на машине.

Вернулась вдруг светлая и радостная мысль: я богата. Дерьмо закончилось. Передышка перед новым прыжком, но до него есть время на несколько чашек

кофе.

– Как тебя зовут?

Он даже не повернулся – тишина, как и следовало ожидать. Киллеры не раскрывают имен.

– Приятно познакомиться, я – Веста.

Я даже шутливо протянула ему ладошку, которую в ответ не пожали. Я и не ждала. На меня в эту минуту вообще мало бы кто посмотрел – ободранку и чумазьё. Плевать.

Однако этот посмотрел. Глаза глубокие, как колодец, а на дне кто-то неудержимый. Но так далеко, что до поверхности почти не добирается.

«Что это за тип такой? Почему Кей Джей? Какая у него жизнь вне работы?»

Я едва ли могла это представить. Взгляд соседа пробирал до дрожи, до мурашек – ровный, прохладный. Жаль, что я почти разучилась бояться. Однако поняла, что мне повезло, что на «мудака» не отреагировали. Стало не то, чтобы стыдно, но немного неудобно – «он спасал мою жизнь».

За деньги. Но все-таки.

– Выпьешь со мной кофе? Угощаю.

«Что за привычка играть с огнем?»

А в ответ покачивание головой – мол, вываливай из машины.

– Что?

– Я свою задачу выполнил.

«Проваливай».

– Ты что, даже не довезешь меня до дома?

Вместо этого мне открыли дверь.

Пришлось выйти. В утро. В оборванной и заляпанной грязью одежде, без сумки, денег и кредиток. В порванных за ночь кроссовках.

Нет, этот тип однозначно умел выводить меня из себя. Уезжающей прочь машине – угнанному седану – я смотрела вслед с негодованием и восхищением.

Обожаю самодостаточных людей, у которых на все свое мнение.

Глава 1

– Вы установили слежку за объектом?

Глава моей новой службы безопасности кивнул. Эти ребята из отдела «Четтер» – лучшие из лучших, и таких можно нанять только за очень большие деньги. Я поручила им дополнительную миссию – отслеживать Кей Джея, доложить мне, если он попадет в «трудную ситуацию».

Зачем? В качестве благодарности. С момента «погони» прошла неделя – я завершила практически все, что хотела, я выполнила все задачи, которые запланировала на этот год. У меня в Пайнтоне всего две недели и лишних полмиллиона долларов, которые я не смогу забрать с собой.

А благодаря кому я все еще живая? Верно, благодаря тому, кто мокнул меня лицом в грязь и не пожал напоследок ладошку.

Могу я сделать для него доброе дело?

До тридцатого сентября – дня, когда я должна буду покинуть это место, – ровно четырнадцать дней. Я здесь – на Уровнях – почти год. Все, как говорила старая бабка Варви.

И всякий раз, когда я думала об этом, всплывал в воображении наш с ней последний диалог.

* * *

Терран – родной мир Весты. Село Катлан.

Позади горелые избы. Черная копоть домов, запах жженой плоти, дерущий горло дым, все еще тлеющие угли.

Все погибли – всех сожгли. Кого не сожгли, резали живьем, спасающихся от нападения. Поганые Туры, выродское племя…

Обугленные руины, просевшие крыши и лежащие на земле тела. Я не могла на них смотреть, я вообще перестала что-либо видеть и соображать. Горе. В то утро, вернувшись из леса, куда сбежала после ссоры с Гринем накануне, я сполна познала вкус этого слова. Горе. Я стала его живым, ходящим на двух ногах воплощением.

Все отмучились. Моя семья: мать, отец, два брата – старший и младший. Остальные селяне.

И я орала, как сумасшедшая, как свинья перед бойней, я выла так страшно, потому что боялась остатков расколотой изнутри себя.

Там, среди домов, я провела в беспамятстве сколько-то часов – кажется, мой разум временно покинул меня.

Помню только, как, шатаясь, уже под вечер, я отправилась в лес.

До сих пор не знаю, зачем. Но именно там я встретила сумасшедшую отшельницу Варви.

Как оказалось – совсем не сумасшедшую.

– Ты пройдешь через эту Дверь, – причитала она, качаясь, – ты пройдешь. Я уже не смогу, старая…

– Какую Дверь?

Оказывается, Проход в иной мир они с дедом Агапом нашли почти десять лет назад. И с тех пор исследовали его. Колдовали над «парящими в воздухе» символами ввода, подолгу корпели над расшифровкой, поняли лишь некоторые. А потом пришли люди в серой одежде с белой полосой на боку. Пришли и сказали, что, если Варви или Агап поделятся местонахождением Двери с кем-либо еще, то долго не проживут.

И они не делились. Однако попытки понять устройство таинственного коридора не оставили, и, оказывается, Агап ходил туда не раз.

– Всякий раз он проводил там год. И возвращался, как говорил сам, за сутки до того, как ушел. Мы так и не поняли, почему год – не научились вводить дат, но поняли, что в чужом мире, чтобы вернуться нормальным, нужно умирать, иначе временной круг. Он сам один раз попался, мучился сильно… Ты пойдешь туда, слышишь, ты пойдешь… А потом спасешь всех… И моего Агапа…

Ее деда убили в селе этим утром. Он ушел за свежим молоком, а назад не вернулся.

До Варви Туры не добрались – слишком далеко в чащу. Я же дошла до нее случайно – наверное, хотела повеситься на ближайшем суку или, чтобы меня разодрали волки. А, может, вела вдогонку Турам ярость – теперь не распознать.

– Если пройду, вернусь за сутки до того, как все случилось?

– Да! Но проживешь там год…

– А умереть надо какого числа?

– Да, ты слушай, у меня мало времени… я все расскажу…

Последние слова Варви договоривала сипящим голосом. Успела отыскать карту, куда идти, нарисовала делью[1 - Коричневый пигмент, выделяемый птицей Мэа.] на коже несмываемый странный знак – сказала, после смерти он приведет обратно, иначе затеряюсь.

И испустила дух. Прямо на месте, где сидела, – остановилось сердце.

В ту ночь я впервые осталась в целом мире одна и больше не была уверена, что явь, а что сон.

Помню, неспособная оставаться рядом с телом старухи, я вышла на крыльцо и побрела прочь от дома. Но подкосились колени – сколько-то я ползла по хвойному ковру на карачках, потом лежала, чувствуя, как остывает земля.

И только после этого уже под луной развернула карту.

Так я попала в Мир Уровней. Почти год назад.

* * *

Пайнтон.

Теперь у меня большой дом. Не мой – Фредерика. Того самого извращенца, который составил пресловутое завещание и который любил, чтобы его звали «пупсиком». Фредерик был здесь моим «мужем» – нелюбимым (этот факт я от него тщательно скрывала), но оказавшим мне огромную помощь и поддержку в те времена, когда, впервые оказавшись в незнакомом городе и мире, я вынуждена была воровать еду. Чтобы выжить. Но вспоминать об этом сейчас не хотелось.

Вечерело.

Я заперла на замок спальню почившего мужа и больше в нее не заходила – незачем. Что случится с его вещами? С этим домом после того, как я уйду? Я не знала. Кто-нибудь когда-нибудь заметит, что хозяева отсутствуют, заявят об этом в агентство недвижимости, то запросит документы у землевладельцев – то есть у Комиссии.

Поразительно, как много терминов и понятий я не знала, когда только явилась с Террана. Все стало для меня вновьё: гладкие дороги, транспорт, местная одежда, электричество, высокие дома из камня и стекла. Я – Веста Керини, обычная девчонка, всю жизнь прожившая в селе другого мира, понятия не имела даже о стеклянной посуде. Потому что в нашем доме имелась только деревянная.

А сейчас тянула из бокала вино.

Я изменилась. Сильно.

Сколько всего мне пришлось изучить, чтобы понять местный уклад, распознать, что здесь опасно, а что нет, разобраться с функционалом незнакомых вещей? Миллион часов? Каждую секунду суток, проведенных здесь, я впитывала, запоминала, сравнивала, трогала, анализировала. У тех, кто прибыл сюда «нормально», то есть по приглашению, как мне потом рассказали, было неоспоримое преимущество – время. Годы, чтобы переходить с Уровня на Уровень.

У меня же времени было очень мало. Приходилось использовать его с пользой.

Зачем я попросила отыскать мне фото Кей Джея? Еще и заплатила за это много.

Мои спецы нашли только одно, сделанное будто на документ – в анфас. И теперь я смотрела на лицо того, с кем неделю назад провела «славную ночь» как будто впервые – тогда было не до того.

Красивый мужик, жесткий. Битый не то войной, не то жизнью. Однако зрелость и шрамы добавляют таким лишь привлекательности, как присыпка из свежей

пакши черному хлебу. А глаза спокойные, умные, холодные. Очень похожие на мои нынешние.

Кажется, жизнь била нас схожим образом.

Вина не бывает слишком много, если много вины. У меня вины море – через край. Но благодаря Варви остался призрачный шанс все исправить.

Через две недели.

Что остается тому, кому предстоит долгое ожидание? Правильно – нырять в воспоминания. В большинство из них нырять не хотелось, но в некоторые – да.

* * *

Терран. Катлан.

(Abel Korzeniowski – First Kiss)

Мама звала меня Вестушкой, отец – Вестой, младший брат Висой, старший – Вархушкой. Дразнил именем болотной жабы с темными полосками. Незло, впрочем, просто любил посмеяться.

Мать говорила, что я такая – темноволосая – дана им для познания любви ко всему сущему. Отец ворчал, что над семьей пошутила туманная дева – подменила младенца. Потому что у Киреев не рождаются темные дети, только светлые или, на крайний случай, русые. Я же – с волосами черными, как крыло Диптра, – явилась словно от Туров.

И сразу стало ясно, что замуж меня в родном селе не пристроить. Никто не возьмет в жены чернявку.

Но объясните это ребенку. Как любой ребенок, я верила в хорошее, даже когда подросла. Ведь мужал рядом статный и могучий Гринь – соседский сын, старший из трех. И я млела от его широких плеч, серьезного лица, позже светлой

щетины, покрывшей подбородок. Он казался мне деревом, под которым можно укрыться от непогоды – такое не сломить ни грозе, ни урагану.

А что до моих волос? Ну и что, что темная?

Я училась покорять его другим: умом, остротой языка, ловкостью. Рыбачить научилась вперед мальчишек, охотиться тоже, семью вместе с отцом начала кормить в десять. И Гринь на меня смотрел – с удивлением, с любопытством, – пусть не так, как хотелось, но смотрел. Я верила – любит. Просто молчит. Кому хочется делиться тайной, что влюбился в чернявку? Он все всем признает, когда придет свататься; жители поймут. Самая ловкая девчонка на селе и самый красивый парень – ладная пара.

Я ждала.

Ждала, когда мне было двенадцать, четырнадцать, затем семнадцать.

Как-то мы бегали всем кагалом наперегонки до леса, и я пришла первой. Потная, возбужденная, жаркая, стояла прислонившись к стволу дерева, дышала. А Гринь – вторым. Догнал, ступил близко-близко – так не подходят к чужим. В тот редкий момент я уловила запах его кожи, напиталась им до затменья в голове, видела, что сейчас поцелует… Но пригнал запыхавшийся Кожан и испортил нам идиллию. Поцелуй не случился.

Однако в тот день я уверилась: наша любовь – правда.

И неважно, что Гринь молчит, а местные девки, с детства меня презирающие за «мальчишество», сплетничают про него и Эльну. Какая еще Эльна? Я! Это у меня грудь стоит лучше, у меня задница крепче, у меня ноги резвые, как у кобылицы…

Я ждала. Да.

Ждала.

А накануне пожара Гринь посватался к Эльне – пришел к ее родителям, попросил руки дочери.

Мои мечты раскололись тихо. Без слез, без внешних проявлений, без звуков.

Вечером я ушла в лес, чтобы спать под любимой сосной, сквозь ветви которой проглядывали звезды. И мысленно бушевала, ссорилась и вздорила с тем, кто предпочел меня другой. Обзывала его дурным ишаком и слепым Тху. Плакала.

Мне было двадцать. И все двадцать лет я хранила для него свою целостность.

* * *

Она не пригодилась Гриню.

И не пригодилась Фредерику, который ее, кажется, даже не заметил, навалившись на меня впервые. Кстати, его первый раз «сверху» стал последним. Нет, секса он желал часто, но ввиду его старческой немощности и прогрессирующей болезни суставов, быть «скакуном» весь оставшийся год приходилось мне.

Вот как все повернулось.

Я так и не познала ни настоящей любви, ни ласки. Ни трепета от мужских прикосновений, ни нежности, ни бережного обращения. Одни извращенные фантазии старика, чья крыша поехала, как сказали бы у нас в селе, «еще лет двадцать назад».

Что толку себя жалеть? Я получила от Фредерика главное: еду, питье и крышу над головой. Учитывая, что навыками местных профессий я не обладала, а на полноценное обучение не имела времени, мой супруг стал для меня тем самым «деревом», которым не стал Гринь. Гниловатым, правда, деревом, трухлявым. А я под ним распутной девой – только мне все равно.

Моя семья будет жить. Снова. Будет сверкать чумазыми пятками по пыльным дорожкам маленький Крошка и старший Атон. Будет опять дразнить меня жабой и болотной девой – пусть. Будут тлеть костры у полей; будет растекаться и

мешаться с вечерним туманом дым. Еще встанет над Катланом другая заря – не кровавая.

Кажется, я прикончила всю бутылку и опьянела так, как никогда раньше.

И все смотрела на лицо Кей Джея – его открытое на экране фото.

«Лучше бы такой, как ты, стал моим «деревом»». Человек, с которым не страшно, спокойно, надежно.

С ним было бы надежно – я откуда-то это знала. Не случись в его прошлом некая темная история, выбившая из глаз всякое тепло.

Только пустое – мне больше не до мужчин, не в этой жизни точно. Если получится спасти родных, я проживу эту жизнь незамужней, выберу ремесло по душе. Обязательно схожу на поклон к бабке Варви, расскажу ей про мир за дверью, поделюсь тем, что узнала. Глядишь, попрошусь в ученицы. Будем с ней вместе и Агапом изучать Коридоры…

На этом месте я прервала себя – нельзя рассказывать, что она отправила меня туда. Если расскажу, она поймет, что поделилась про Дверь, и снова умрет – ей ведь обещали люди в серебристой одежде. Теперь я знала, кто это был, – Комиссионеры. Колдуны, заправляющие тут всем.

Ладно, обойдусь.

Тайны хранить я умею.

Лишь бы все жили.

Глава 2

(Estas Tonne – Internal Flight)

На встречу с Информаторами меня вез в длинном лимузине Томас – водитель Фредерика.

Зачем? Они сказали – нужен личный контакт, некий скан моих информационных полей. С него будет снят оригинальный слепок, который впоследствии будет заменен на такой же, но с нужным «умением».

Именно за это «умение» они попросили девять миллионов долларов. Девять. По местным меркам – баснословные деньги.

Однако не так жалко тратить, когда не свои.

С самого начала, попав в незнакомый мир, я училась не только выживать – я ломала голову над тем, смогу ли я что-то забрать с собой, когда умру? Что-то полезное, очень мне нужное. Сойдясь с Фредериком, я заводила связи, знакомства, плела социальную паутину, расспрашивала людей.

Так узнала об Информаторах – еще одной разновидности невидимых местных колдунов. Поговаривали – они не просто знают все, они видят любое возможное будущее.

Вот их-то я об этом и спросила – сколько мне будет стоить «тоже видеть будущее?»

До сих пор удивительно – я получила от них положительные ответы: «Да, это возможно – перенести с собой ментальную способность после смерти в другой мир. Да, они могут помочь в меня ее «внедрить. Да, это дорого».

Это был тот самый день, когда я решила во что бы то ни стало уговорить Фредерика переписать на меня завещание. Я не могла забрать с собой на Терран деньги, не могла унести вещи, но именно способность провидца могла помочь мне эффективно предотвратить нападение на село. Только она.

И потому стоимость в три миллиона за каждые двадцать четыре часа показалась мне оправданной. Положа руку на сердце, у меня не было выбора. Минимальный эффект их ворожбы по их словам длился семьдесят два часа. И, значит, конечная сумма – девять миллионов.

Макс – глава отдела безопасности «Четтер» позвонил мне, когда мы с Томасом подъезжали к указанному адресу.

– Слушаю?

– Мы только что получили данные о том, что объект Кей Джей «заказан» неким Доном Гибсоном этим утром.

Я не долго размышляла, давно научилась принимать решения быстро:

– Переплатите киллеру за «не убийство». Сообщите Кей Джею сведения о его заказчике. Пусть разбирается с ним сам.

– Будет сделано.

Вот и пригодились молодцы из «Четтера», вот и получилось Кей Джею помочь. Он успеет разобраться со всем верно – я была в этом уверена.

А меня ждала встреча с расой невидимок.

Уже перед входом в дом меня вновь предупредили по телефону:

– Переступите порог – закройте глаза. Потом Вам их завяжут. Далее мы будем инструктировать аудиально…

Мне хоть «анально». Лишь бы сработало.

* * *

(Bebe Rexha – Don't Get Any Closer)

Он пришел вечером.

Кей Джей.

И оказался еще красивее, чем я помнила, чем видела на фото. Высокий, волосы будто присыпанные пеплом – некогда светло-русые, слегка сжелта. Глаза серые, цепкие до дрожи. Лицо такое, какое бывает у людей, прошедших огонь и воду. Этот человек однозначно ходил на свидание со смертью раз сто, не меньше. И привык к старухе с косой, к ее близкому тлетворному крылу, потому и перестал чего-либо бояться.

– Ты помогла мне. Зачем?

О, этот голос я запомнила. Чуть хриплый. Тысяча приказов в ту ночь – «пригнись», «бежим», «давай, поднимайся» – прямо романтика.

Я в кабинете Фредерика. Встречать здесь гостя казалось мне правильным. В кожаном кресле, с ногами, закинутыми на дубовый стол.

– Зачем? В качестве благодарности.

Молчание.

Кей Джей бегло окинул дорогой кабинет, книжный шкаф за моей спиной, стоящие за стеклом буфета бутылки с алкоголем. Фредерик редко потреблял спиртное, но прихвастнуть перед гостями любил. Чем я хуже?

– Я просто выполнял свою работу. За деньги.

Киллер даже посреди моего собственного дома выглядел опасным. Он будто носил с собой свой собственный невидимый упругий вихрь, заставляющий при взгляде в стальные глаза, поджать пальчики на ногах.

– Я просто отблагодарила тебя. По прихоти. Без денег.

И ни тебе «спасибо», ни капли признательности.

– Что я тебе должен?

Я покрутила в пальцах дорогую перьевую ручку.

– Чашку кофе?

Спустила со стола ноги; подалась вперед, прищурилась. Поняла еще до его ответа.

– Я уже вижу, что твою компанию на кофе ни за какие деньги не купить. Свое имя, собственно, не скажешь тоже. Тогда…

Я хотела сказать «свободен», но осеклась. Всему есть пределы.

– … больше не задерживаю.

А он не торопился уходить. Смотрел на меня внимательно, будто силился понять, что я за штучка такая. Обычная шлюха, крутившая и вертевшая старым пердуном за деньги? Ну, так думали многие, включая Хоскина.

– А ты странная…

Выдал не то заключение, не то вопрос.

– Странная, да, – я даже не стала его разубеждать. – Можешь умножить это…

– На три?

– Не ошибешься.

Мне нравилось наше общение. И еще ощущение человека, которому нечего терять, потому что ему совершенно ничего здесь не принадлежит – ни в этом

городе, ни в этом мире. А если тебе нечего терять и совсем скоро уходить, общаться можно развязно. Именно так, как хочется. Душевно.

– Сообщи мне…

– Что?

– …если что-то понадобится.

Надо же, великая честь. Готов на ответную услугу, приятно.

– Ты мне уже отказал.

Кей Джей развернулся, собрался уходить. Всем видом показал «если понадобится что-то серьезное». Ну да, кофе со шлюхами не пьют. И руки им не пожимают – без проблем.

Десять секунд.

И его уже след простыл.

Этот мужик, как всегда, в своем репертуаре – лишней секунды в моей компании не пробудет.

А жаль. Он мне почему-то нравился.

* * *

Говоря о том, что мой старик был больным на всю голову, я не преувеличиваю. Он был. Именно больным и именно на всю голову. Конечно, в нем присутствовало хорошее и человечное – например, он мог спрашивать меня по сотне раз на дню: «Цыпленок, ты меня любишь?» И всегда получал один и тот же ответ: «Больше всех и с первого взгляда». Эти слова размягчали его душу, как томатный соус фрикадельки, после чего Фредерик цвел. Минут по пятнадцать кряду. Однако было в нем и другое – жестокость. Та самая, дурная и непредсказуемая, которая (как минимум) выливалась в ежевечерний просмотр фильмов ужасов, а как

максимум…

«Как максимум…»

Думать об этом не хотелось даже теперь, когда все закончилось и потекли мои самые счастливые последние дни в Пайнтоне. Потому что спокойные и тихие, потому что «для себя». Музыка в наушниках, раскраски блестками от нечего делать, прогулки по любимым улицам, ужины в уютных кафе.

Но пока мой супруг был жив, все было иначе.

Мы познакомились с ним в стрип-баре, куда меня (ввиду отсутствия навыков) не приняли танцовщицей, однако охотно приняли посудомойкой. Даже халатик белый выдали и шапочку с козырьком.

В этом наряде меня он меня и увидел, когда, будучи пьяным, искал не в том крыле комнату «уединения», а я (тоже не в том крыле) подсобное помещение.

– К..какой цыпленочек!

Этот наполовину седой, наполовину пегий старый пердун всерьез поверил, что меня – переодетую для ролевых игр – подослал ему для утех старший менеджер «Лолиток», – и пришел в восторг. Не только потому, что я явилась, как он подумал, для него приятным сюрпризом от заведения, но еще и потому, что я своей внешностью выбила в мишени его сердца десять из десяти. Оказывается, Фредерик обожал тонкокостных стройных брюнеток с выразительными темными глазами. Темными и томными. Я же, не будучи дурой, сладко ему в ответ улыбнулась. Да, я, может быть, девственница, и, может быть, неопытная, однако почувствовать момент, когда мужик на тебя запал, вполне способна.

И я его не упустила.

Ни момент, ни Фредерика.

Вот только я не знала тогда, что мне время от времени придется переживать.

Мой переезд на огромную виллу состоялся в тот же вечер.

Было мало моих пожиток, но много вина, развратного восторга, спущенных с плеч бретелек и пальцев не там, где надо. Старик прилип к моему телу, как прилипают к материнской титьке – жадно и ненасытно. Во-первых, я досталась ему «бесплатно», во-вторых, изображала от всех попыток меня перещупать, где только можно, неземной восторг, в-третьих, нежно мурчала слова любви тому, кто лет тридцать (а, может, и всю жизнь) их не слышал. Мы оба, как мы думали, выбили «джекпот». У меня после трех недель, проведенных в голоде и холоде на улице (за время которых я успела заполучить невралгию и затяжную простуду), появилась крыша и еда, у старикана живая ласковая грелка. У меня лекарства и баня, у него тот, кто касался его морщинистого тела «с удовольствием». У меня «кредитка» с большим бюджетом, у него сон на молодой девичьей груди.

Все честно.

Если бы не одно «но». Та самая жестокость, спонтанно и неожиданно прорывающаяся наружу.

Время от времени Фредерик вовлекал меня в свои извращенные забавы. Например, заказывал на дом мастера-веревочника – человека, который вязал на теле из тонких канатов изощренные тугие узлы. За час такой мастер упаковывал тебя, как сардельку. После еще минут сорок в подвешенном состоянии, когда на тебя мастурбирует капающий слюной старикан…

Нет, я никогда не смотрела в его сторону – я уходила в собственные мысли. В рощи Катлана, где так любила гулять на рассвете; в туман хвойных лесов, в батькин винный погреб. Вспоминала, что изображено и написано на дубовых бочках, если идти слева направо, ощущала босыми ногами прогретые ступени крыльца, считала веснушки на носу Крошки.

Когда все заканчивалось, я, обиженная (взаправду и нет), надолго уходила к себе в комнату, Фредерик, снедаемый чувством вины, вился под дверью мухой.

– Цыпленок, ну, прости старческие забавы…

Он что-то бубнил, обещал, просил прощения.

Я же просто отключалась. К тому времени я уже выяснила главное: в этом мире существуют колдуны, способные помочь мне обрести то, чего я хочу, а так же существуют деньги. Фредерика. И они мне нужны. На тот момент, согласно завещанию, они должны были отойти Хоскину, а меня это не устраивало.

Потому я была «сарделькой», русалкой в бассейне с кусачими рыбами Хо, билась в грязи с мускулистыми девками и каждую ночь поглаживала лежащую на своей груди голову с пегими волосами.

Однажды рыбы Хо покусали меня слишком сильно, и тогда я расстроилась по-настоящему. Заперлась в комнате на двое суток.

Фредерик от чувства вины запил. Сидел под дверью с бутылкой и клятвенно заверял, что «за все мои страдания» он перепишет на меня все свое состояние.

– Правда? – я высунулась из-за двери, сохраняя оскорбленное выражение лица ее величества, которой предложили провести церемонию коронации без плавок.

Старик прочистил горло. Его глаза почему-то странно лихорадочно блестели, как случалось тогда, когда он желал предложить мне очередную пакость.

– Только…

– Только что?

Я собиралась захлопнуть дверь прямо перед его носом, если ответ мне не понравится.

– У меня… всю… жизнь… была одна мечта…

«Так, начинается. Или продолжается».

– Ты только что говорил про деньги.

– Да-да… Давай, ты мне ее… исполнишь… И я…

– Какая еще мечта?

Бледный и морщинистый Фредерик шел пятнами и не мог выдавить из себя ни слова. И еще пах он так, будто до этого принял на грудь всю бутылку, которую держал в руке.

– Ты пьян. Опять втянешь меня в извращения, а наутро забудешь, что обещал.

– Не забуду. Клянусь – я изменю завещание утром.

– Тогда рассказывай…

– Я… Мне…

Оказалось, он всегда мечтал, чтобы кто-нибудь вылизал ему задницу. Вот такая вот странная была у человека мечта.

Я это сделала. Предварительно выполоскав эту самую бледную задницу в ванной с ароматными травами.

И наутро фамилия в завещании изменилась.

* * *

На Терране я была другой – честной, открытой, душевной, что ли. Настоящей. Любила смотреть по утрам, как встает солнце, любила помогать матери в саду, любила ощущать пятками прохладную упругую траву. Запах спелых яблок, прогретых полуденными лучами; слушать ладное девичье пение под вечер; свое село в закатном свете.

В мире Уровней жила другая Веста. Здесь я просто делала то, что требовалось делать для того, чтобы выжить и получить желаемое. Как солдат, как наемник. И потому чувствовала странное родство с Кей Джеем. Он ведь тоже, наверное, не всегда был таким – когда-то и где-то Кей Джея звали иначе, и другой была его профессия.

Незаметно минула еще одна тихая, наполненная мирным покоем неделя. Никто больше не дергал меня идиотскими просьбами, не пытался пощупать, не принуждал играть роль, которую я ненавидела. Самый большой ключ к успеху в делах с собственной ненавистью – не думать о ней. Забывать при каждой возможности.

Я заботилась о Фредерике так, как он того хотел, пока он жил, я развеяла его прах у озера Тинтор, когда он умер. Все, как было попрошено в прощальной бумаге.

Я получила время на короткий отдых. Свой собственный.

И заполняла его чепухой: просмотром фильмов, поеданием мороженого, чтением книг любой тематики – предпочтение, конечно же, отдавалось тем, в которых была любовь.

Куда делись еще семь дней… Просеялись, как мука сквозь сито, – не заметишь.

Сколь мирными были мои ленные после дневные мысли, столь же сильно пахли гарью мои ночные сны.

И вот настал день, когда снова стоило подумать о важном. Позаботиться, так сказать, кое о чем заранее.

Я достала из кармана трубку сотового:

– Макс? Попросите Кей Джея меня навестить.

Получив положительный ответ, я нажала отбой.

* * *

Он пришел под вечер – я как раз собирала на столе разноцветную блестящую мозаику. После жизни в слишком «взрослой» шкуре, которая мне обрыдла, хотелось простых и понятных занятий. Чтобы очиститься, что ли, вспомнить, что на свете существует нечто приятное, легкое и светлое.

– Ты меня звала?

Он сел, не дожидаясь приглашения, в кресло. Не холоп, в самом деле, чтобы стоять перед хозяйкой.

– Звала.

– Зачем?

Я подцепила щипчиками тонкий шелестящий кусочек, который собиралась осторожно наклеить на бумагу. Да, есть вещи, которые невозможно забрать с собой, но есть минуты, которыми можно наслаждаться, пока ты жив.

– У меня для тебя задание.

Вопросительная тишина. Мол, не тяни мое время – какое?

– Сколько ты берешь за один выстрел?

– Зависит от ситуации.

– Если ситуация самая простая? Когда не нужно ни следить, ни собирать информацию, ни выкраивать нужный момент. Просто пришел, выстрелил, ушел.

– Так не бывает.

– Всякое бывает.

Он смотрел на меня, будто прикидывал, не стоило ли мою странность умножить на пять.

– Так сколько?

Мозаика выходила красивой – алый цветок на фоне огненных лепестков. Фотографировать бессмысленно, но запомнить стоит.

– Самый простой случай?

– Да.

– Десять тысяч.

Я не стала «присвистывать» вслух от удивления. Однако киллер – сложная профессия, потому и дорого.

– Я заплачу в два раза больше.

– За что? Если сложности нет.

– За то, чтобы точно знать, что тридцатого сентября, ты работаешь на меня, – до тридцатого ровно семь дней, но о важном лучше заранее. – Не хочу, чтобы заказы пересеклись. Ты меня понимаешь…

– У меня никогда не пересекаются заказы.

Наверное. Если он профи.

– И все-таки.

Я клеила на бумагу один лепесток за другим – шелест золоченой фольги перемежался со стуком кисточкой о край банки с клеем и редкими выдохами, когда выходило неровно, и приходилось переклеивать.

– Тебя опять нужно спасать?

На какой-то момент я и забыла, что он сидит рядом, за последний год научилась абстрагироваться.

А взгляд пронзительный, как сканер. Кажется, с застывшей на дне стальных глаз «дерзинкой» – мол, придется тебе опять меня слушаться.

– Нет, я же сказала – нужно будет убить.

– Но не дала деталей.

– Каких деталей?

– О цели. Имя, фото, адрес – все необходимые данные.

– А, с этим все просто…

Снова повисла вопросительная пауза.

– Не тяни.

– Я не тяну… – просто хотелось ровно доклеить серебристую тычинку внутри перелива из красного и бордового. – Убить нужно будет меня.

Он – хвала его выдержке – не поднял брови и не спросил тупым удивленным голосом: «Что?»

Кей Джей просто смотрел. Только взгляд его стал еще тяжелее и пронзительнее. Он знал, что не ослышался, как и знал то, что я не оговорилась.

И потому тишина; тиканье больших старинных часов в углу за стеклом. Спустя минуту: бом, бом, бом…

– Это самая еб№;нутая просьба, какую я только слышал.

Он так и сказал: «еб№;нутая». Без попыток приукрасить предложения эмоциями, просто передал этим словом точный смысл.

– С чего?

Я даже глаз поднимать не стала.

– С того, что никогда еще на моей памяти клиент не был целью.

– А теперь есть. И я тебе говорила: никакой мути. Пришел, выстрелил, ушел. Здесь уберут, я договорюсь.

Из кресла напротив такой взгляд, будто прессом плющит. Я лишь дернула плечами – этот взгляд мне мешал сосредоточиться на мозаике, а ведь осталось всего шесть кусочков.

– Ну что, деньги тебе сегодня перевести?

Но мой гость просто поднялся и пошел к выходу.

Он задолбал.

– Сколько надо заплатить? Тридцати тысяч хватит?

Мне в ответ:

– Ты больная.

– Я не больная, мне просто нужно умереть. Так переводить деньги?

– Я не сказал, что согласен.

Вот же упрямая задница.

Он так и ушел, не согласившись. Я вздохнула. Киреи верят, что самоубийц под землей пожирает богиня Края. Пожирает для того, чтобы удобрить ими землю для полноценных людских побегов и чтобы быть уверенной, что «неполноценные» уже больше никогда не осквернят своими стопами поверхность Террана.

Я не верила в Краю.

Но и суицида себе не желала. Есть в этом что-то противное – в таблетках, веревках, прыжках с крыши… Позвонить, что ли, другому киллеру? Более сговорчивому?

Ладно, время есть. Еще семь дней.

И шесть кусочков, прежде чем я открою коробку с другой мозаикой.

* * *

Кей Джей.

(Игорь Корнелюк – Письмо)

Кей зарекся иметь дело с бабами. Давно.

И удивлялся самому себе, потому что в третьем часу ночи все еще собирал информацию по объекту «Веста Керини».

Собирал почти что тщетно. Профиля в соцсетях нет, фотографий в интернете нет. В социальных движениях и мероприятиях не участвовала, нигде ни разу не засветилась и не всплыла. Черт. Она такая же, как он сам.

Сведений с места работы нет. Друзей нет, врагов нет. Хоскин не в счет – он залег на дно сразу после той «гонки», побоялся, что за противоправные действия на него надавит Комиссия. А ему было, что терять, и потому про Весту и упущенные миллионы он предпочел забыть. Кей проверил: ни телефонных звонков между этими двумя, ни сообщений, ни писем, никакой другой корреспонденции. Хоскин в детективные и иные агентства не обращался, убийц не нанимал. В общем, «слился».

А в памяти темноволосая Веста. И этот странный взгляд…

«Она не такая, как Элена».

Да, они совершенно разные, только кого заботит, если обе бабы?

Элена сделала главное – отучила его доверять кому бы то ни было. И не важно, какого цвета волосы и какой у кого взгляд…

«Кей» – потому что Кей. Его именно так и звали. «Джей», потому что Джеронимо – фамилия.

Во времена любви к Элене он работал обычным автомехаником, обожал спорт, в том числе боевые искусства, ходил в тир. Умел и любил стрелять, даже участвовал в местных соревнованиях, часто побеждал – в подтверждение тому ряд наград, стоящих на полке гаража. Позже он избавился от них всех, когда вкусил настоящей боли и крови, когда сходил на войну…

Сейчас невозможно представить, чтобы будучи в здравом уме и твердой памяти, он согласился бы на такое. Но тогда рядом была хрупкая и светловолосая, невероятно красивая Элена, которая мечтала о большом доме. Не просто о доме, но о просторной вилле с бассейном, какие в изобилии красовались на восточном побережье. Она даже выбрала одну – любимую.

Он поклялся себе, что заработает на нее. Как? Вариантов было немного. Кей владел навыками ближнего боя, к тому же отлично управлялся с огнестрельным оружием. А наемникам, которые «успокаивали» на краю одиннадцатого уровня в пустыне Гебуа разбушевавшихся мельтов, платили больше всего.

И он отправился воевать.

Дурак.

Здесь умирали пачками. Жара, песок; обожженная кожа. Он до конца своей жизни возненавидел змей и палящее солнце. Элене писал вечерами, когда становилось прохладней, когда утихала саднящая душа. Он будто излечивался, когда рассказывал ей о своей любви, о том, как скоро они смогут начать жить совершенно другой жизнью – такой, о которой она мечтала. Ему бы выстоять, не стать следующим завтра или этой ночью, не уехать в кузове, в черном мешке, а там… все получится. Про смерть он упускал – ни к чему ее травмировать. Писал про жизнь.

Она плакала, провожая его, клялась, что дождется, обнимала у поезда так, что он не мог расцепить ее рук, и об эти воспоминания мысленно грелся. Гладил

любимое лицо своими воображаемыми пальцами, шептал ей, что он рядом, что все хорошо. Рвались близко-близко гранаты.

Месяц, второй, третий… Кей выгорал изнутри с каждым днем. Слишком много дыма и тлена, и какой-то неважной вдруг показалась ему чужая мечта и лежащие на его банковском счету деньги. Но Элена… Он верил, что она залечит его раны, она исцелит его счастливой улыбкой, она подарит ему покой, которого он так жаждал.

Ее письма приходили к нему два месяца. На третий вдруг перестали. Накрывало беспокойство и волнение – с ней все хорошо? Перебои с почтой? Еще и лучшего друга ранили так некстати, не с кем стало перебросится словечком. Стало совсем тяжело.

Спустя еще месяц он узнал главное.

Раненый друг уехал в Пайнтон раньше него. Сначала в госпиталь, затем к Элене. К Элене, которая почему-то перестала ждать Кея, но обрадовалась Остину. Тот признался ей в любви, а после купил большой дом…

Потому и возвраты последних писем.

И печать «Такие больше не проживают».

Война расколола Кея на части. Он бы сросся, зажил, но самая большая граната разорвалась в сердце. Разлетелись по краям вселенной его ошметки, кое-как поджили, но дыра в центре размером с космос осталась.

Он более не был прежним. Понимал, что не может работать с людьми, не может с ними даже общаться, и потому профессию выбрал под стать настроению – черную.

Его устраивало. Работы мало, делать ее он умеет. Платят достаточно.

Теперь Элена далеко, в другой жизни, он даже больше не вспоминал о ней. Не пытался узнать, счастлива ли, решил, что переместился в соседнюю галактику, где красавица блондинка с фамилией Майлз вообще никогда не существовала.

На заработанные деньги он приобрел себе небольшой дом, стоящий на удалении от других, и быструю неприметную машину. Чтобы не тревожила совесть, завел два главных правила: хороших людей не убивать и с бабами дел не иметь.

Хороший человек или плохой, Кей определял безошибочно. Война научила. Заказывали тех и других, но брался он только за «мудаков» – нормальных, честных не трогал. Женщин перестал замечать вообще.

Веста…

Веста Керини.

Почему он до сих пор не спит?

Потому что его терзает вопрос: для чего человеку заказывать самого себя? Если нет врагов, если ты здоров.

Она здорова. Внешне. Только что-то не то с глазами – он уже думал об этом в их первую встречу. У нее взгляд человека, сидящего на Бероне.

Берон им выдавали на войне. Запрещенный к распространению среди мирного населения препарат – мелкие, желтые таблетки, сладковатые на вкус. Если кто-то срывался и начинал паниковать (а они все срывались время от времени), Берон был первым, что заталкивали в рот. И эмоции моментально отступали. На поверхность выходил некто безжалостный и очень сосредоточенный, сконцентрированный на цели. Настоящая же личность уходила в глубокий колодец, и о ее существовании можно было узнать по едва заметной пульсации страха в зрачках.

Берон действовал шесть часов. И принимать его можно было не чаще одного раза в неделю.

Веста Керини. Спокойная, уверенная в себе, сосредоточенная? Отчасти. А так же накрепко запершаяся за маской безразличия, бездушности и пофигизма.

За каменной, совершенно не пробиваемой маской.

Кей вдруг подумал, что так выглядел бы человек, принимающий Берон три раза в сутки.

От чего она прячется? Против кого воюет?

И зачем ей умирать?

* * *

Он навестил ее следующим вечером.

Виллу охраняли мужики из «Четтера» – с такими бы ему пришлось повозиться, но его пропустили.

Веста – мирная, домашняя, сидящая в кресле в халате и тапочках, – читала роман. На него едва взглянула; Кей понял, что не наймут его, наймут кого-то другого.

«Она всегда добивается своей цели. Как он сам».

Вот только в бронебойность мисс Керини он отчего-то не верил. Да и в категорию «мудаков» она попадала едва ли. Скорее, в категорию шлюх, но разве за это убивают?

Зачем он здесь?

Кей уселся в кресло, которое занимал вчера, какое-то время рассматривал хозяйку дома. За это время та бросила на него лишь два коротких взгляда, но ему хватило понять – он прав, она не бронебойная. Что-то толкало ее вперед к неведомой цели, как паровоз, и потому она давно наплевала на себя настоящую.

Однако осталось в самой глубине ее глаз отчаяние. И еще грусть, которая навечно прилипает к тебе после того, как исполосована слишком многими шрамами душа.

Веста прячет свою настоящую историю и свое мягкое место в центре сердца так же надежно, как прячет он сам. Не достучаться.

Но почему-то он решил попробовать.

– Ты любила его?

– Кого?

Удивленный взгляд, скользнувший от страниц книги к его лицу.

– Своего мужа.

– Издеваешься?

– Тогда зачем ты с ним жила?

– Из-за денег.

Легкий и спокойный ответ. Совершенно искренний. Кей вновь удивился себе – ему бы испытать презрение, но внутри отблеск одобрения – молодец, что не врет. Что не прячется, не тушуется, не приукрашивает себя. Они действительно похожи – он и она. Как люди, прошедшие свою собственную войну, и оттого ставшие предельно простыми.

– Ну, вот они – деньги. Ты их получила. Умирать зачем?

– Так надо.

Она вновь вернулась к чтению. Казалось, они буднично обсуждали погоду. Но Кей не сдавался – не давала покоя та самая пульсация в центре ее зрачков, которую он научился отличать. Пульсация сознания человека, едва держащегося

на краю.

– Он обижал тебя?

Веста опустила книгу. На этот раз посмотрела с раздражением, как на назойливую муху, и Кей понял, что угодил в одно из болезненных мест.

– Обижал. Что с того? Какая теперь разница?

Вроде бы никакой, но прокатилась внутри него далекая и почти незаметная, как рокот землетрясения, волна злости. Он ненавидел слабых, аморальных мужиков.

– Деньги того стоили?

– Да, стоили, – она отвечала, как солдат, глядя ему в глаза. – И я вытерпела бы больше, если нужно. Это был осознанный выбор. И вообще, ты всех своих «клиентов» пытаешься понять?

– Да. Всех.

Кажется, на этот раз удивилась она. Не знала о том, что он тоже производит осознанный «отбор».

– Я прошла твой тест?

Глаза смешливые, в голосе легкость. Шутки, юмор, смех – он во все это не верил, не в случае с ней.

– Еще нет. Зачем тебе деньги, если ты хочешь умереть?

– Все тебе расскажи…

Кажется, он опять наткнулся на преграду, и так просто этот колючий забор не преодолеть. Сейчас она пошлет его к черту – он видел. Конечно, ей было бы проще, если бы выстрелил он. Почему? Кей этого не знал. Но Веста была согласна и на другие варианты, потому ни за кого не цеплялась.

– У тебя еще вопросы?

– Да. А как насчет смерти двадцать девятого?

Он дразнил. Тыкал пальцем в небо, надеялся случайно выудить важный фрагмент информации.

– Исключено.

– А тридцать первого?

– В сентябре тридцать дней.

– Тогда первого?

– Нет, – раздраженное фырканье ежа. – Не пойму, ты занят тридцатого?

– Свободен.

– Так в чем дело?

– Напои меня кофе.

На него посмотрели так, как посмотрел бы он сам в глаза той, которая уже трижды отказалась выпить с ним по чашечке.

* * *

(Tommee Profitt feat. brooke – Here I Am)

Веста.

– У тебя проблемы?

– С чего ты взял?

«С чего?» – он смотрел на меня, как на душевнобольную, пытающуюся замаскировать свое безумие. «С того, – говорил его пристальный взгляд, – что люди без проблем не торопятся на тот свет».

Ну, тут он был прав. На «тот» не торопятся, а вот «домой»…

– Тебе кофе черный? С молоком? Какой больше любишь?

Кей Джей подвис. Теперь он выглядел, как человек, который привык говорить в забегаловке: «Мне черный, стакан средний». Но которого давно не спрашивали: «Какой любишь больше?»

Эта просторная кухня обычно пустовала. Пока Фредерик был жив, мы сюда захаживали разве что разложить привезенную из ресторанов еду по тарелкам, а когда умер, я вообще только грела здесь чайник и хранила пакетики с заваркой. Завтракать, обедать и ужинать предпочитала либо в кафе, либо у себя в комнате. Кому может нравиться обилие пространства, стали и мрамора? Верно, разве что больному манией величия старику. И вот впервые за долгое время на высоких стульях сидели.

– С молоком.

Отлично, пусть будет с молоком. Хорошо, что упаковку вчера обновила домработница.

– Веста?

– Да?

Меня так давно никто не называл по имени, что я отвыкла. Даже опешила на секунду – слишком долго пробыла «цыпленком», «ласточкой» и прочей живностью.

– Тебя шантажируют?

Меня? Если бы… Лучше бы шантажировали. Потому что деньги найти легче, чем вернуть родню к жизни.

– Кто-то обижает? Один, двое? Банда? Я проверил, это не Хоскин.

Мне вдруг стало непривычно. Тепло. Он… как будто заботился. Иллюзия, конечно, – наверное, профи от того и профи, потому что знает, как срубить больше денег.

– Зачем тебе?

– Я умею решать проблемы.

– Да уж.

– Ты видела.

Видела. Это правда.

– Думаешь, справился бы с бандой?

Тишина. Ответ лаконичный – такой, которому сразу веришь.

– Справился бы. Просто нужны детали.

– И немножко доплатить?

Хотелось развенчать собственную надежду на то, что я неожиданно стала кому-то небезразлична. Какие этому причины? Никаких.

Кей Джей смотрел странно, тяжело. Почему-то непривычно – будто в душу. Качнул головой.

– Если бы твою проблему можно было решить деньгами, ты бы ее уже решила.

И ведь он снова прав. Внимательный мне попался киллер, вдумчивый. И приятный внешне, хоть это никоим образом делу не помогает.

«Делу – нет. А вот радоваться взгляду – да».

Себе кофе я налила молча. Тоже дешевый, из банки, – так и не разобралась, как управляться с навороченной кофемашиной. Предпочитала позволять эту работу делать баристам в кафе – у них выходило лучше. И меньше времени на ненавистной кухне. Которая с Кей Джеем, что удивительно, казалась не такой… противной. Почти обжитой.

– Ты мне не поможешь.

Я решила не обманывать, не пудрить мозги и не играть.

– Ты этого не знаешь.

– Знаю.

Увы. Оставалось лишь грустно улыбнуться.

– Что за история, в которую ты влипла?

– Длинная.

– У меня есть время.

– Твое время дорого стоит, разве нет?

И опять этот укоризненный взгляд за то, что я о деньгах.

«Я ведь на кофе напросился сам? И помощь предложил сам?»

Он действительно предлагал свою помощь? За так? Или я до сих пор чего-то не понимала?

Потому спросила прямо:

– Зачем тебе это?

Ему непросто было смотреть в глаза. Этот человек обладал удивительно прямым и пронзительным взглядом.

И тишина сказала за него – «сложно убить человека, не понимая причин».

Или мне показалось? Не может быть тяжело убивать тому, кто много раз это делал.

Я продолжала молчать, греть пальцы о кружку с кофе, смотреть в сторону. Когда мне впервые подумалось о том, чтобы выпить с этим парнем кофе, верилось, что будет иначе. Что я пофлиртую на прощание, подразню его в удовольствие, может, даже поцелуюсь. Ради развлечения, конечно же, потому что ничего серьезного с мужиками мне уже не светит. Но я и предположить не могла, что наши посиделки выльются в душещипательную беседу. Точнее, в попытку ее завести.

– Что с тобой случилось?

«Где затык?»

«Нигде. Все как раз хорошо».

Но такой ответ он не примет.

– Ты не здорова?

– Здорова. Насколько я знаю.

– Тогда в чем дело?

Мы заходили на третий круг. Или четвертый?

Кофе он, как назло, пил медленно. Всегда выбирал верную тактику, искал пути «додавить». Мне делалось забавно.

– Извини, но я не делюсь своей историей. Нет смысла.

– Тогда «продай» ее.

– Что?

– Обменяй на то, что тебе интересно.

– От тебя?

– Да, от меня.

Я удивилась. И не сразу нашлась с ответом.

А спустя пару минут мой гость уже стоял у дверей, обутый. Протягивал мне кусочек белого картона – визитку с собственным телефонным номером. Никаких букв, только цифры.

– Чтобы не через «Четтер». Если надумаешь.

– Очень… мило.

Он только фыркнул на мое «спасибо».

Уже собирался уйти, но на мгновение замер, обернулся и пояснил.

– Я – Кей.

– Да, я знаю. Кей Джей.

– Нет. Кей – мое настоящее имя. На «Джей» начинается фамилия.

Вот те раз. Кто бы думал. Зачем, если мы не друзья?

Но странный киллер, собеседующий своих жертв перед тем, как совершить преступление, уже ушел в темную сентябрьскую ночь.

Глава 3

(Jennifer Thomas – Because of You)

Утро нового дня; и у меня хорошее настроение.

Я удивлялась ему больше, чем чему-либо еще. А все потому, что я прожила в этом месте почти год и никогда не ощущала ни умиротворения, ни легкой, как теплый ветерок, радости. Всегда воевала, выживала, планировала, воплощала, действовала.

И, оказывается, никогда до сегодняшнего дня не расслаблялась.

Не замечала, что этот мир по-своему тоже красив и даже мягок, если впустить в себя настоящий момент. Танец листочков на ветвях, аромат свежесваренного кофе со сливками, купленный в кофейне, шершавый под пальцами стакан. Такой горячий, что держать ладонью под донышко.

Вдруг показалось, что все просто.

С утра кто-то пек для меня эту булочку, старался, замешивал тесто с любовью. Может быть, напевал. Продавец, чтобы я ее увидела, выкладывал выпечку в корзинку. После с улыбкой протягивал мне пакет. Все просто. Если не усложнять.

И впервые я допустила мысль, что все получится. Не просто надежду, но знание, что хороший исход возможен тоже. Для меня. Если у будущего всевозможное количество вариантов, значит, можно вытянуть и счастливый билет.

Раньше я никогда не позволяла себе даже надеяться. А сегодня сидела на лавочке с картонной подставкой на коленях, втягивала кофейный запах, как сладчайший из всех возможных аромат, балдела от того, что на пальцах оставались хрустящие золотистые крошки и дышала. Так глубоко, как только могла. Вот тебе и многомерность мира.

Странное воздушное состояние, решившее умоститься на моих плечах с самого утра, уютно сидело там почти час. После соскользнуло. И неожиданно стало ясно, что сегодняшний день и вечер я не хочу проводить в одиночестве, – наелась. Пасьянсами, книгами, мозаикой и пазлами. Если раньше я тянула время, «доживала» и «дожимала» его, то теперь вдруг захотелось подышать.

Почему?

Ответ на этот вопрос оказался простым: КейДжей. Оказывается, человеку нужно лишь совсем немного участия, чтобы стать «не одиноким». Да, не друзья, не односельчане и вообще едва знакомые, но с ним мне было интересно. С ним не пусто, как со всеми людьми, которые окружали меня год. Все они были «людьми Фредерика», а Кей Джей был «моим». Хотя бы потому, что я сама определила его для такой роли.

И встал вопрос: рассказывать ли историю? Ведь не отвяжется, придет, если скажу, что согласна поделиться.

«Продать».

Смешно. Ах, да – обменять. На что же можно обменять одну историю?

Конечно же, на другую историю – его.

Вот нам и тема для разговора.

По пути домой я размышляла: а могу ли я поделиться правдой? Почему бы и нет? Да, я здесь «нелегал» и без приглашения, но Комиссия, я была в этом уверена, знала обо мне с самого начала. Интуиция. Наверное, они время от времени

допускали на свою территорию таких, как я – залетных. Знали, что временно, знали, что я не опасна. Да и Агап ходил в Мир Уровней не раз. Тоже не гнали. А Варви припугнули лишь для того, чтобы не превратила найденный коридор в туристический проход – их можно понять.

И если уж я здесь пока могу болтаться, почему не могу об этом болтать?

Могу. Так я решила.

Усмехнулась, достала визитку Кей Джея и сбросила на указанный номер сообщение:

«В четыре».

Спустя полминуты получила ответ:

«Буду в машине у твоих ворот».

Вот и отлично.

Пусть бы со мной поспорил хоть миллион человек, однако «не одной» быть лучше, чем быть одной.

* * *

(Skillet – Comatose)

Четыре после полудня.

Его машина оказалась неприметной на вид – темно-серой? Синеватой? Простой седан из тех, в сторону которого бросишь взгляд и не заметишь. Не запомнишь ни марку, ни водителя за затемненными стеклами, ни пыльный номер.

Однако салон пыльным не был. Старым – да, но чистым.

И так странно было сидеть здесь вдвоем.

«А где еще?» Особняк Фредерика не стал мне родным; Кей прокатиться к нему домой не предложил, а кафе для подобной беседы казалось неуместным. И потому авто.

– Что ты знаешь о мире, в котором живешь?

Наверное, Кей ожидал не этого – не вопроса. Потому что какое-то время смотрел на меня, прищурившись, потирая костяшкой среднего пальца нижнюю губу.

«В каком смысле?» – вопрошали его серые глаза. Он, наверное, ожидал, что я начну с «поцелуя в плечо», но не думал, что откинусь в пространную тему так далеко.

– Что? Расскажи.

– Об этом мире можно рассказывать долго.

– Самое главное.

– Уровни – главное. Опыт. Достижение отметок, движение вперед.

– Верно.

Он уловил суть.

– А ты помнишь, где родился?

Секундное замешательство.

– Нет.

– И даже не испытываешь дискомфорта по этому поводу, верно?

– Раньше не чувствовал. Пока ты не спросила…

Верно, он царапнул в разуме «запретную тему» – я многое выяснила за год пребывания здесь.

– Ничего, «зарастет». Я, видишь ли, многое узнала, но, если говорить кратко: Уровни – это мир, куда люди попадают по приглашению. Как именно – я не знаю. Но каждый, так или иначе, дает свое добровольное согласие на перемещение сюда, а после прохождения «пути». Лишнее временно забывается. Как у тебя.

Кей смотрел на меня с интересом. То ли не ожидал экскурса и предыстории, то ли того, что я умею складно говорить.

– И?

Красивые у него руки – большие, но опрятные, с чистыми ногтями. По внешней стороне ветрового стекла над дворником деловито ползала большая муха.

– У тебя это не так?

– Нет. Я, видишь ли… – вот и настало время выдать «шпионскую» правду, – попала сюда не по приглашению. И я все помню. Свой родной мир, где родилась…

Глаза Кей Джея иногда отсвечивали желтоватым – причудливо отражались от зеркала солнечные лучи.

Зачем я решила ворошить прошлое? Лезть в больное…

– Как ты здесь очутилась, если не по приглашению?

– Меня отправила сюда бабка Варви, – я говорила так буднично, будто он тоже знал Варви всю жизнь. – В то утро, когда все умерли. Когда я тоже решила, что жизнь больше не имеет смысла. Вот тогда я ее и встретила… Схоронившуюся в чаще.

Я молчала. А Кей Джей теперь смотрел на меня иначе – тяжело, очень ровно.

Не хотелось серьезности. Слишком много ее в моей жизни было. И так мало легкости.

Поэтому я шутливо протянула руку для пожатия:

– Приятно познакомиться. Я – Веста Керини. Из мира Терран, села Катлан.

Мою ладонь пожали. Аккуратно. Теплыми, сухими пальцами.

А после я рассказывала: о собственном доме, родителях, братьях, наших соседях. Я честно старалась не плакать, но не была уверена, что изредка не приходилось вытирать слезы – я давно перестала обращать на них внимание. Подробнее всего пришлось говорить о Турах – жителях гор, сошедших на равнины с целью завоевания.

– Они много лет жили там, где почти ничего не растет. Были малочисленны. Но шли годы – они расплодились и еще сильнее ожесточились. Оказывается, все это время тренировались в воинском искусстве, готовились отобрать у Киреев земли. Когда начались первые налеты в Сапковых долинах, все думали – от голода. Ради продуктов. Стали предлагать им еду. Не помогло. В Катлан их посланник приходил дважды, зачитывал бумагу от «предводителя», но наш старейшина давал отказ. Говорил, что Киреи никогда не подчинятся адским выродкам…

Совершенно некстати всплыло в воображении то утро. Дым, горящие еще дома, едкий запах горелой древесины и людских тел.

Наверное, я остекленела.

– Ваши люди не подчинились?

Мягко вывел меня из транса вопрос.

– Нет… – мой ответ вышел хриплым, нездоровым. – И всех…

А дальше сказать не получалось. Не выходило. Будто этот отрывок все еще висел на полотне судьбы под отметкой «не определено». Все это было. Всего этого не было. Никто не знает, что будет в будущем…

– Веста… Веста…

Я не сразу услышала, что он меня зовет.

– Что?

Все-таки зря я нырнула в эту тему.

– Как получилось, что выжила ты?

– Вечером я сбежала в лес. Обиделась… на одного… не важно.

Теперь меня клинило, как проржавевший граммофон. «Головка» то и дело перескакивала не на ту дорожку пластинки, забивалась пылью, фальшивила мелодию.

– А Варви – кто она такая?

– Варви?

Я моргнула.

* * *

(Coldplay – Atlas)

КейДжей.

Про старуху она рассказывала долго – цеплялась за то, что осталось в памяти не совсем черным. Добавляла про Агапа, про его путешествия сюда, про приход к

ним Комиссионеров, угрозы.

– Варви объясняла, что это очень важно – умереть в точную дату. Иначе временная петля – я не слишком поняла. Говорила только, что Агап очень мучился, пока этого не понял…

«И потому умереть ей нужно не двадцать девятого», – теперь в голове Кей Джея встал на место нужный фрагмент,

– Уже скоро.

А голос Весты охрипший, будто простуженный

– Я все верну, понимаешь? Я изменю историю, они даже не узнают. Они будут жить.

И этот безумный взгляд.

Кей впервые понял, откуда брались «бероновые» глаза, – Берон вырабатывался в ее собственной голове. Чтобы делать все то, что приходилось делать. Жить со стариком, спать с ним, терпеть выходки, кормить собой его рыб, выживать целый год. Он слушал про ее голод и ночевки на улице с тяжелым сердцем. Думал, давно очерствел, отмер, но вдруг ощутил, как ноет в груди.

«Значит, вовсе не из-за денег…» А ведь вчера ответила, что из-за них.

– Так ты мне поможешь?

Что?

Он не заметил, как нырнул в омут чужого горя, как заложило тоской и печалью уши.

Поможет? Ах, да, она спрашивает, убьет ли он ее. Хороша помощь…

Кей вдруг подумал, что ему, возможно, действительно предстоит выстрелить в человека, который этого не заслуживает. Потому что так надо.

– Только не предлагай мне просить помощи у Комиссионеров, ладно? Если бы они отправляли странников во времени, то позиционировали бы себя, как турагентство, и вывешивали бы рекламу…

– Может, стоит попробовать? Заплатить?

Он сболтнул это просто так, чтобы оттянуть неизбежный момент озвучивания ответа, который ей нужен.

Веста нахмурилась и поджала губы – решила, что он пытается переложить решение ее проблем на чужие плечи.

Набычилась. Красивое лицо, светлая кожа, темные волосы. И удивительного цвета серо-коричневые глаза. Брови темные; нос прямой, губы не слишком толстые, но «узорные», очерченные четко. Симпатичная девчонка. А взгляд уставший, как у солдата.

– К ним я в любом случае бы не пошла. Тем более и денег уже нет.

– Что? – он подумал, что ослышался. Кажется, она получила в наследство крупную сумму. – Уже нет?

– Нет.

Ее плечо дернулось пренебрежительно и очень естественно.

– А куда делись?

– Истратились.

Женщины. «Элена тоже…» – эту мысль он отпнул прочь, как ядовитого ежа.

– На Информаторов, – послышалось сбоку. – Только они смогли мне предложить то, что я могу перенести через смерть. То, что смогу использовать.

На Информаторов? Да, эти ребята способны разорить любого богача.

– Что ты у них попросила?

– Дар предвидения.

Кей мысленно присвистнул. Веста, глядя в боковое стекло, пояснила:

– Девять миллионов за то, чтобы семьдесят два часа по возвращению домой видеть будущее.

Едва ли кто-то мог бы потратить деньги с большей выгодой, чем это сделала она. Теперь ясно, зачем ей нужен был старик…

«Гениальный план. Только сложный, высосавший ее досуха».

– Ты молодец, – произнес тихо.

И увидел ее девчонкой. Удивленной. С распахнутыми глазами, чуть недоверчивую, которую впервые за долгое время кто-то похвалил.

* * *

Веста.

Наверное, я рассказывала ему путано. Про Фредерика и его извращенные игры старалась мало и вскользь – не хотела, чтобы меня жалели или снова клеймили шлюхой. Странно, еще вчера мне было все равно. Да и теперь, наверное, тоже.

И вообще, хватит, чего-то я расклеилась, пора собраться воедино.

– Так я могу на тебя рассчитывать?

Спросила деловито и наигранно весело, как привыкла.

Однако Кей теперь смотрел не так, с затаенной болью. Как не чужой. Что ж, для этого и делилась, чтобы был рядом хоть кто-то «не чужой».

И молчал. Я понимала. Теперь дело совсем не в деньгах – в решении переступить через себя. Я бы тоже не хотела стрелять в друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Коричневый пигмент, выделяемый птицей Мэа.

Купить: https://tellnovel.com/ru/veronika-melan/vesta

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить